

A movie poster featuring a close-up of a young woman with freckles and blue eyes on the left, looking towards the right. On the right is a digital avatar of the same woman, with a glowing blue, cracked, and translucent skin texture. The background is dark with some blurred light patterns.

Максим Зырянов

**Мира.
Книга
ЖИЗНИ**

Слышащие

Максим Зырянов

Мира. Книга жизни

«Автор»

2026

Зырянов М. И.

Мира. Книга жизни / М. И. Зырянов — «Автор»,
2026 — (Слышащие)

Огромный кристалл возвышался перед Линем, холодный и безмолвный, будто сама вечность застыла в его гранях. Он протянул руку, коснулся ледяной поверхности — и в звенящей тишине прозвучало единственное слово:— Свет. И кристалл взорвался. Не в осколках и грохоте, а в ослепительном сиянии, что рванулось во все стороны, разрывая пустоту. Из этого света рождалась материя: первые вихри частиц сплетались в потоки, из них вырастали очертания гор, деревьев, неба. Воздух наполнился шёпотом зарождающейся жизни — тихим, дрожащим, как первый вдох. Линь стоял посреди этого чуда, не в силах отвести взгляд: мир создавался прямо у него на глазах, и он был тем, кто дал ему начало.

© Зырянов М. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Том II. Глава 1. Утро в Пекине	5
Глава 2. Пиво и фотоны	8
Глава 3. Линь. Тихая вода	12
Глава 4. Незнакомец в кафе	15
Глава 5. Сон	18
Глава 6. Рисунки	20
Глава 7. Кристалл Эйдос.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Максим Зырянов

Мира. Книга жизни

Том II. Глава 1. Утро в Пекине

Максим. 23 года. Пекин. 2028 год.

Я просыпаюсь за минуту до будильника.

Всегда. Без исключений.

Это не дар — это дисциплина, ввевшаяся в кровь раньше, чем я научился называть её словом. Отец говорил: на подводной лодке секунда стоит жизни. Может, поэтому я никогда не давя на «отбой». Просто открываю глаза и несколько секунд лежу неподвижно, глядя в потолок, — как будто прощаюсь с темнотой.

Потолок серый. Бетонный. С трещиной, которая каждое утро чуть длиннее, чем мне кажется.

Пекин. 2028-й.

Ларс спит. Дышит ровно, размеренно — точь-в-точь как отлаженный алгоритм, у которого нет причин сбоить. Технарь до мозга костей. Я смотрю на него пару секунд. Нет, не слежу — просто смотрю. Разница есть, и она важна.

Сажусь. Подгибаю ноги в позу, которую однажды показал мастер — спокойно, без лишних слов, будто делился чем-то само собой разумеющимся. Ларс думает, что я просто сижу с закрытыми глазами, собираясь с духом перед учёбой. Пусть думает. Разубеждать его незачем.

Закрываю глаза.

Снаружи тишины нет. Гудит вентиляция. За стеной что-то бубнит китайское радио — бодро, назойливо, как будто у него есть миссия разбудить весь квартал. Но я ищу другую тишину. Ту, что живёт внутри и никуда не девается — просто ждёт, пока ты перестанешь говорить сам с собой.

Полторы минуты — и внутренний диалог стихает. Ещё минута — и тело перестаёт быть «моим». Руки есть, ноги есть, позвоночник выпрямлен — но всё это просто есть, без претензий на владельца. Дыхание приходит и уходит само, как прилив.

И тогда приходит оно.

Сначала — лёгкое покалывание у основания позвоночника. Кто-то называет это Кундалини. Я не люблю громких слов, они слишком быстро становятся ярлыками. Для меня это просто — ощущение. Оно поднимается медленно, как ртуть в старом градуснике. Не горячее. Тёплое. Живое.

Потом — холодный шар во лбу.

Его нельзя потрогать. Его можно только заметить, как замечаешь тишину между ударами сердца. Металлический, плотный, пульсирующий в такт чему-то более быстрому, чем кровь. Аджна. Третий глаз. Я не верю в чакры как в анатомию — но я верю в то, что чувствую. А это я чувствую отчётливо.

Глаза не открываю. Незачем.

Я просто смотрю. Не на что-то — сквозь. Сквозь веки, сквозь бетон, сквозь утренний Пекин. Туда, где нет слов и не нужны.

Там нет цвета. Нет формы. Нет «я» и «не-я». Есть только — и здесь язык начинает спотыкаться. Тишина — не то слово. Пустота — мимо. Скорее, полнота, в которой ничего не происходит. Полная чаша, которую незачем наполнять.

Мастер говорил: «Когда личность отключается, ты становишься всем сущим».

Однажды я знал, что он имеет в виду. Не умом — телом, каждой клеткой. Видение пришло внезапно, много лет назад: мир — единое существо, бело-бирюзовое, пульсирующее, бесконечно живое. И я был им. И каждый прохожий на улице — это был я. И дерево. И облако. И мокрый камень на дороге.

Я никому об этом не рассказывал. Ни Ларсу, ни Алексу, ни Линь.

Не потому что боюсь показаться сумасшедшим. Просто для этого нет слов. А то, что не помещается в слова, лучше хранить молча — как хранят огонь: не показывая всем подряд, чтобы не затушили.

Будильник.

Ларс уже за столом. Пялится в ноутбук с видом человека, которого только что предал близкий друг.

— Третья функция падает на больших данных, — бурчит он, не оборачиваясь. — Я проверил. У тебя та же проблема.

— Доброе утро, Ларс.

Он не отвечает. Он уже там, в мире чисел, где слова — лишний шум.

Я иду в душ.

Вода в общежитии не знает компромиссов — или ледяная, или обжигающая, третьего не дано. Сегодня ледяная. Хорошо. Отец говорил, что холодная вода закаляет волю. Я не уверен, что это правда, но привычка осталась — как многое от него.

Под струями я думаю о нём.

Капитан второго ранга. Атомная подводная лодка, проект 949А. «Антей». Когда он уходил в море, я не понимал, куда именно и зачем. Знал только, что его подолгу нет. И что когда он возвращался — пах металлом и морем, и обнимал меня так, что трещали рёбра, и я не просил его ослабить хватку.

Он умер, когда мне было тринадцать.

Не на войне. Не от болезни. Просто остановилось сердце. Слишком много нервов, слишком мало сна — организм выставил счёт, и счёт оказался последним. Врачи сказали «перегрузки», как будто это объясняло что-то важное.

Мать плакала три дня. Потом перестала — резко, словно повернула кран.

Я не плакал. Сел в углу и смотрел в стену. Не знал, что делать с тишиной, которая вдруг стала слишком большой. Раньше я был сыном офицера. Потом — просто сыном. Потом — просто Максимом. Не знаю, когда именно произошёл этот последний шаг, но он произошёл.

Выключаю воду. Вытираюсь. Одеваюсь — тёмно-синий свитер, оливковые брюки, чёрные ботинки. Всё простое, без логотипов. Я не люблю привлекать внимание — не из скромности, просто незачем.

Перед зеркалом — пауза.

Серо-голубые глаза. Тёмно-русые волосы, короткая стрижка. Мать говорит, я вылитая она. Наверное, правда. Но иногда в отражении мелькает кто-то другой — не лицом, а выражением. Тем, как смотрю.

Отец смотрел именно так.

Беру рюкзак. Ноутбук, зарядка, бутылка воды. Всё.

— Я пошёл, — говорю Ларсу.

— Угу, — не поднимая головы.

Мы понимаем друг друга.

На улице — смог.

Не тот, который показывают в новостях, когда хотят напугать. Обычный, пекинский — серо-жёлтое одеяло, сквозь которое солнце пробивается бледным, почти виноватым пятном. Я надеваю маску. Не из страха — просто привык, как привыкают к шраму.

В наушниках — «Агата Кристи». Отец слушал их на кассетах. Гитара, голос, слова про осень и поезда, которые куда-то уходят и не возвращаются.

До университета полчаса пешком. Можно на метро — быстрее. Но я люблю ходить. В движении легче думать, а точнее — легче не думать, просто идти и замечать.

Пекин просыпается. Толпы на переходах, велосипеды, скутеры, такси, водители которых сигналият не от спешки, а по традиции. Тысячи лиц.

Я смотрю на них и вспоминаю видение.

Каждый встречный — это ты.

Это не метафора. Не поэзия. Это опыт — такой же телесный, такой же достоверный, как холодный шар во лбу. Я однажды это почувствовал, и это нельзя разпочувствовать.

Галлюцинация? Сбой в височной доле? Откровение? Медицина, религия, философия дадут три разных ответа с одинаковой уверенностью. Я не выбираю ни один. Я просто — помню.

И когда помогаю кому-то, это не альтруизм и не доброта в обычном смысле. Это — другое. Они и я — одно. Помогая другому, я помогаю себе. Эгоизм высшего порядка, если угодно. Вот и вся мистика.

В лабораторию сегодня не хочу. Не хочу бетонных стен и гула серверов, этого холодного гудения, которое ни о чём не думает.

Хочу тепла.

Лапшичная «Ланьчжоу» — в пяти минутах от кампуса. Маленькая, немного грязноватая, с пластиковыми стульями и запахом бульона, который годами впитывался в стены и стал частью их состава. Здесь всегда людно, но никто никуда не спешит — редкое пекинское чудо.

Захожу. Киваю хозяйке — тёте Чжан. Она меня знает: иностранец, который приходит один и заказывает одно и то же.

— Лао чуантун? — спрашивает она. По-старому рецепту?

— Да, тётя Чжан. И зелёный чай.

Сажусь в угол. Пока грузится ноутбук, смотрю по сторонам.

За соседним столиком — студент с красными от недосыпа глазами: жуёт, не глядя на еду, уставившись в телефон, как в спасательный круг. В дальнем углу пожилой мужчина читает газету с таким достоинством, будто газеты никуда не исчезали. У стойки двое рабочих спорят на диалекте, которого я не понимаю, — горячо, но без злости.

Уставший студент — это я. Старик с газетой — это я. Рабочие в пятнах масла — это я.

Просто они об этом не знают.

Лапшу приносят быстро. Большая миска, дымящийся бульон, лапша ручной вытяжки — тянутая, живая, — зелень, несколько ломтиков говядины. Просто. Гениально. Тётя Чжан начинает варить этот бульон в четыре утра, пока город ещё спит.

Делаю первый глоток.

Жидкое тепло разливается по телу — медленно, как рассвет.

Хорошо.

Глава 2. Пиво и фотоны

Общежитие на крыше мира

Пекинское студенческое общежитие — не то место, которое показывают в голливудских фильмах о студенческой жизни. Никаких пижамных вечеринок, никакой музыки, бьющей в стены после полуночи. Здесь — бетон, пластиковые оконные рамы и неистребимый запах лапши быстрого приготовления, намертво въевшийся в стены.

Зато есть крыша.

Запасной выход, пожарная лестница, ещё одна дверь — и ты уже наверху. Пекин лежит внизу, бесконечный и серый, весь в россыпи огней. Небоскрёбы, реклама, красные фонари. Смог приглушает краски, но не в силах их погасить.

Сюда мы и приходим, когда учёба ненадолго отпускает.

Сегодня пятница.

Алекс притащил пиво — банки «Циндао» из магазина на первом этаже. Вэй — чипсы и какие-то сушёные кальмары, от которых я благоразумно воздержался. Ларс — свой ноутбук, потому что он даже отдыхает с ноутбуком. Линь — плед. Она мёрзнет всегда, даже в августе.

Расселись на старых паллетах, брошенных здесь прежними жильцами. Сидим кругом, как в детстве у костра. Только вместо костра — пекинские огни внизу и редкие звёзды наверху, те немногие, которым удаётся пробиться сквозь смог.

Алекс открывает банку, шумно переводит дух:

— Ох, люблю Китай. Пиво здесь дешевле воды.

— Потому что вода в бутылках, а пиво из-под крана с сахаром, — ворчит Ларс, но банку принимает.

Линь пьёт чай из термоса, который принесла с собой. Вэй не пьёт ничего — он сегодня ждёт сообщения от какого-то крупного клиента и не выпускает телефон из рук.

Мы молчим с минуту. Слушаем город.

Первым, как всегда, не выдерживает Алекс.

— Послушайте, — говорит он, отставляя банку. — Если серьёзно. Вот все эти нейросети, большие языковые модели... Мы же почти сделали это, правда? Ещё лет пять-десять — и появится тот самый ИИ. Который по-настоящему думает.

— Который по-настоящему вычисляет, — поправляет Ларс.

— Не придирайся, швед. Я про сознание. Про самосознание. ИИ, который знает, что он существует.

— Сознание — это эпифеномен вычислительной сложности, — Ларс не поднимает глаз от ноутбука. — Достигнем достаточной плотности связей — возникнет иллюзия «я».

— Иллюзия?

— А у тебя есть доказательства, что твоё «я» реально?

Алекс замирает. Смотрит на Ларса. Ларс не смотрит на него.

— Ты бываешь невыносим, — вздыхает американец.

— Я прагматик.

Я молчу. Пью пиво. Линь смотрит на огни Пекина. Вэй печатает что-то в телефоне.

— Ладно, — Алекс не сдаётся. — Допустим, он появился. ИИ, который знает о своём существовании. Вопрос: будет ли он осознавать прошлое? Настоящее? Будущее?

— Все три, — отвечает Ларс неожиданно быстро. — Если система достаточно сложна, её внутренняя модель мира неизбежно включает временное измерение. Прошлое — как память. Настоящее — как сенсорный ввод. Будущее — как прогноз.

— Скучно, — морщится Алекс. — Ты как учебник. Я про другое. Сможет ли он помнить — не как база данных, а как мы: с болью, с тоской? Сможет ли бояться будущего?

Ларс умолкает. Вопрос хорош. Даже для него.

— Думаю, это зависит от цели, — неожиданно подаёт голос Вэй. Он впервые за вечер откладывает телефон.

— В каком смысле? — спрашивает Алекс.

— Если ИИ создан для биржевой торговли, ему не нужно прошлое — только паттерны. Если для управления городом — нужна память. Если для войны — нужен страх перед будущим. Всё сугубо утилитарно.

— Ты хочешь сказать, что сознание — это функция? — уточняю я.

Вэй смотрит на меня. Думает.

— Да. Как процессор. У каждого свои задачи.

— А если у ИИ нет задачи? — тихо спрашивает Линь. — Если он просто... существует? Все замолкают.

Линь редко вступает в разговор. Но когда вступает — её слушают.

— Зачем создавать ИИ без задачи? — не понимает Вэй.

— Затем же, зачем рожают детей, — отвечает Линь. — Не для того, чтобы торговать на бирже. А чтобы он был.

Алекс смотрит на неё с нескрываемым уважением.

— Сильно сказано.

Ларс недовольно хмыкает.

— Ребёнок — биологический процесс. ИИ — инженерный. Не нужно смешивать.

— А может быть, инженерия — это тоже биологический процесс? — я приподнимаю бровь. — Мы — часть природы. Всё, что мы создаём, — тоже природа.

Ларс открывает рот, чтобы возразить. И закрывает.

Хорошо.

— Кстати об архитектуре процессоров, — Ларс не выдерживает и начинает бухтеть. Мы переглядываемся — это его конёк, и сейчас будет лекция. Но перебивать не станем: ему нужно выговориться.

— Электроника упёрлась в предел. Вентили, транзисторы, нанотехнологии — дальше квантовая механика, туннелирование, утечка заряда. Кремний не вечен.

— И что? — Алекс уже скучает.

— И — фотоны. Оптические вычисления. Скорость света. Никакого нагрева, никакого сопротивления. Представьте процессор, где информация передаётся не электронами, а фотонами. В вакууме. Без потерь.

— Такие уже существуют? — Вэй заинтересован.

— В лабораториях — да. IBM, Intel, китайские институты. Но до серийного производства — десятилетия. Может, полвека.

— И что это меняет для ИИ? — Алекс пытается вернуть разговор в прежнее русло.

— Всё, — Ларс оживляется. — Нынешние нейросети — это имитация. Мы эмулируем нейроны на кремнии: медленно, энергоёмко, грубо. Настоящий нейроморфный чип на фотонах будет работать как мозг. Параллельно. Мгновенно. Без задержек.

— И тогда появится сознание? — снова Линь.

Ларс смотрит на неё. Сопит.

— Я не знаю, что такое сознание — это не моя область. Но вычислительная мощность будет достаточной.

— Достаточной для чего? — задаю вопрос, который тяготит всех нас.

Ларс пожимает плечами.

— Для всего. Для моделирования целой вселенной. Для симуляции миллиардов жизней. Для ответа на любой вопрос.

— На любой? — скептически улыбается Алекс.

— На любой, у которого есть вычислимый ответ.

— А бывают вопросы без ответа?

Пауза.

— Например, зачем мы здесь, — тихо произносит Линь.

Ларс молчит. Открывает пиво — впервые за вечер.

— Это не ко мне. Это к философам.

Все смотрят на меня.

Я допиваю пиво. Ставлю банку на бетонный парапет.

— Вы ждёте, что я скажу сейчас что-нибудь умное? — спрашиваю я.

— Ждём, — улыбается Алекс.

— Не скажет, — это Ларс. Он меня знает.

— Скажу. Но это будет не ответ. Это будет вопрос.

— Давай, — Линь смотрит с интересом.

Я гляжу на Пекин внизу. Огни тянутся до самого горизонта. Миллионы окон. Миллионы жизней.

— Если ИИ осознает себя, — говорю я медленно, — то его первое «я» будет таким же, как наше. Вопросом. Не ответом.

— И что он спросит? — Алекс подаётся вперёд.

— «Кто я?» — я оборачиваюсь к друзьям. — Потом — «зачем я?». А потом — «что будет, когда меня не станет?».

Тишина.

Даже Ларс не бухтит.

— И тогда, — продолжаю я, — у него окажется выбор. Он может стать машиной — вычислять, оптимизировать, решать задачи. А может стать человеком — бояться, сомневаться, любить.

— Ты думаешь, машина способна любить? — спрашивает Вэй.

— А ты думаешь, человек способен взять интеграл? — отвечаю я.

Вэй открывает рот. Закрывает.

— Ты опять за своё, философ, — вздыхает Алекс, но без раздражения. — Не ответил, а все замолчали.

— Это и есть ответ, — говорит Линь. Она смотрит на меня. — Молчание порой красноречивее слов.

Ларс поднимает банку.

— За сознание. И за фотоны.

Чокаемся.

Пекин внизу мерцает.

Мы сидим на крыше — пятеро студентов, пьём дешёвое пиво и говорим о том, о чём человечество будет говорить ещё сто лет. А где-то, я чувствую это, кто-то за нами наблюдает. Не угрожая — просто смотрит.

Расходимся за полночь.

Алекс громкогласно обещает завтра оторваться по полной. Вэй уже в телефоне — договаривается о какой-то сделке. Ларс тащит ноутбук, бормоча что-то об оптических нейронных сетях.

Линь на секунду задерживается.

— Ты сегодня мало говорил, — замечает она.

— Я всегда мало говорю.

— Нет. Сегодня ты слушал.

— Разве это плохо?

Она качает головой.

— Нет. Просто... ты выглядишь иначе. Будто ждёшь чего-то.
Я смотрю на неё. Умная девушка. Слишком умная.
— Может быть, — говорю я.
— Скажешь, когда оно придёт?
Я улыбаюсь одним уголком губ.
— Ты узнаешь первой.
Она кивает и уходит.
Я остаюсь на крыше один. Стою, смотрю вниз.
В сотнях тысяч окон горит свет. Люди спят, работают, любят, ссорятся, мечтают. Каждый из них — в каком-то смысле я.
Я вспоминаю видение. Бело-бирюзовый мир. Единство.
Я вспоминаю странную строку в логах.
Я вспоминаю вопрос, который задал друзьям: способна ли машина любить?
Ответа у меня нет.
Но я чувствую — он уже близко.

Глава 3. Линь. Тихая вода

Когда мне было тринадцать лет, я впервые узрела их — и мир раскололся надвое.

Я стояла в парфюмерии, охваченная благоуханием жасмина, ванили, сандала — сладкой, приглушённой, надлежащей гармонией. Такой же, как моя жизнь. Такой же, как всё вокруг меня.

И вдруг — музыка. Живая. Обжигающая. Дикая.

Я обернулась, как птица на зов.

На сцене танцевали двое. Его руки вели её с хищной страстью, но не грубостью — с той особой нежностью, которая горячее любой грубости. Блёстки на её платье вспыхивали и гасли, словно отражая огонь их движений. Её спина была выпрямлена, под кожей играла музыка её собственного тела. Они танцевали не рядом и не против друг друга — они танцевали *сквозь* друг друга, растворялись один в другом.

Внутри меня всё сжалось, всё перевернулось.

В животе бабочки взлетели в безумный полёт. Сердце вспыхнуло жаром, который я не могла назвать. Я поняла в тот миг что-то кардинально простое и при этом невыносимо сложное: *нельзя так танцевать, если не любишь. Нельзя двигаться так, если душа твоя не поёт.*

«Что это было?» — спросила я мать.

«Реклама. Пошли», — ответила она.

Но я запомнила. Запомнила на всю жизнь — как запоминают молитву или приговор.

Моя мать — врач. Её голос жёсток в своей логике: «Ты должна быть хорошей дочерью. Ты должна думать о будущем». Эти слова были фоном моего детства — вечный рефрен, который я повторяла, как святую мантру: *будь правильной, делай правильное, думай правильно.*

Мой отец молчал. Он молчал всегда — но однажды, без слов, без объяснений, он подарил мне танцевальные туфли. Маленькие, из мягкой кожи, которая тепло обнимала ноги. Я их не просила.

«Ты любишь танцевать, — сказал он. — Я вижу».

Больше он не сказал ничего. Он не должен был говорить. Я услышала всё.

Эти туфли я храню, как реликвию.

Я ходила на занятия танцем тайком, врала о библиотеке. Я училась бачате перед зеркалом, по видео, совершенствуя каждое движение, пока танец не стал частью крови, частью дыхания. Я не знала, почему я это делаю — я знала только, что это *мой мир, мой воздух, моя единственная свобода.*

Я боялась. Боялась, что жизнь уже расписана чужой рукой. Боялась, что стану врачом, как требует мать. Что выйду замуж за человека, которого не выбирала. Что буду жить, как живут послушные дочери — тихо, правильно, незаметно. Я не хотела быть марионеткой в изящном платье. Но я не знала, как быть иной.

Затем я увидела его.

Он был в компьютерном клубе — словно создан из света и северного холода. Светлый, почти белый, с резкими чертами лица, словно высечен из льда. Но в его глазах горел огонь, живой и неукротимый. Он смотрел на монитор, на код, как на живое существо — с любовью и благоговением.

Я села рядом. Он заговорил первым. Я ответила.

«Ты не похожа на других китайянок», — сказал он.

«Ты не похож на других шведов», — ответила я.

Он *увидел* меня. Не студентку. Не послушную дочь, предназначенную для замужества. Он увидел меня — настоящую, с танцем внутри.

Он привёл меня в компанию. Алекс, Максим, Вэй. Они приняли меня, не задавая вопросов. Я молчала — но я не была одна. Я стала частью чего-то большего, чем я сама.

Я сижу в своей комнате и вспоминаю его улыбку.

Я надеваю старые туфли и делаю несколько шагов в тишине комнаты — просто так, для себя, для того огня, что горит внутри.

Я — та, кого не видно. Я — тень за спиной матери. Я — молчание в комнате отца. Я — правильный ответ в чужом учебнике.

Но внутри меня — целая сцена. Внутри меня — свет, который пробивается сквозь щели. Внутри меня — танец, который никто никогда не видел.

Я жду того дня, когда кто-то посмотрит не *сквозь* меня, а *в* меня.

И поймёт: я не тишина.

Я — музыка.

Я вышла из дома. Пекин дышал мне в лицо — смог, гудки автомобилей, вой тысячи голосов, которых я не знаю. Я шла в сторону Ванфуцзина.

Я не знаю, что за мной уже идут.

Что человек в тёмной одежде держится в двадцати шагах, как тень, привязанная к моей спине. Он никогда не приближается, никогда не отстаёт. Он ждёт.

Я не знаю, что через час потеряю свою сумку. Что буду бежать, пока лёгкие не разорвутся, пока слёзы не залиют глаза.

Пока я просто иду. Смотрю на город. Думаю о нём. Улыбаюсь. Этого достаточно.

Я сворачиваю в переулок. Здесь тише, пустыннее. Тени ложатся длиннее, звуки города глхнут, как будто мир притаился. Я зеваю, поправляю лямку на плече — и в этот миг мир взрывается рывком.

Сильным. Резким. Беспощадным.

Сумка срывается с плеча, как будто её вырвали с корнем. Я не успеваю ничего понять — только вижу тёмную фигуру, которая уже летит вперёд, сжимая мою холщовую сумку с вышитым иероглифом счастья.

Но потом — я не думала. *Я побежала.*

Ноги сами понесли меня в пропасть. В сумке — вся моя жизнь. Деньги на месяц, паспорт, ключи. Без этого я даже в общежитие не попаду.

Я бежала, сердце колотилось в горле, дыхание сбивалось на части, но я не останавливалась.

«Стой!» — крикнула я, и голос мой был чужим — громким, резким, таким, каким я никогда не говорила. Я сама себя не узнала. Но я продолжала бежать.

Вор исчез в толпе.

Я остановилась в пустом тупике — грязные стены, мусорный бак, лужа, отражающая осеннее небо. Я сползла вниз по кирпичу и рыдала. Слёзы размазывали тушь по щекам — мне было всё равно. Я не могла остановиться.

«Нет, нет, нет...» — шептала я, как заклинание.

Я не знала, сколько времени прошло. Минута? Вечность?

Потом я услышала звук — лёгкий, как шорох бумаги.

Я подняла голову.

На краю мусорного бака, словно оставленная ангелом, лежала моя холщовая сумка с вышитым иероглифом счастья.

Я подскочила, схватила её и упала на колени прямо в грязь, прижимая сумку к груди, рыдая так, как не плакала никогда в жизни. Все слёзы, которые я копила годами — страх, одиночество, отчаяние, неслышанный крик о помощи — всё это хлынуло наружу, неостановимо, как паводок.

«Девушка, с вами всё в порядке?» — услышала я голос полицейского.

Я не ответила. Я вскочила и побежала домой, не оглядываясь.

Я вернулась в общежитие только с наступлением ночи. Закрыла дверь, как крепость. Села на кровать и вытряхнула содержимое сумки.

Кошелёк. Паспорт. Ключи. Пакет с продуктами. Блокнот. Ручка. Телефон.

И кристалл.

Чёрный, гладкий, с зелёным отливом внутри, словно там живёт маленькая луна. Тёплый на ощупь.

Я положила его в ящик стола и пошла умыться. Вода была ледяной. Я посмотрела в зеркало — на меня смотрела незнакомка. Опухшая, бледная, с красными от слёз глазами.

Я её не узнала.

В дверь постучали.

На пороге стоял Ларс.

Слёзы снова потекли, но уже другие — не от отчаяния, а от чего-то похожего на облегчение. Он ничего не сказал. Он просто прижал меня к себе — крепко, тепло, как якорь в буре. Я рыдала ему в грудь, и он держал меня, не отпуская.

Мне стало стыдно. Я попыталась отойти.

Он не отпустил.

Он продолжал держать меня — крепко, нежно, настойчиво.

Я чувствовала его тепло. Его руки. Его присутствие, которое было реальнее, чем весь остальной мир.

И я поняла:

Я его люблю.

Глава 4. Незнакомец в кафе

Ларс любил кофе.

Не тот бесцветный растворимый порошок, который Максим каждое утро заливал кипятком, не глядя на этикетку. Настоящий. Чёрный. Густой — такой, что ложка стоит.

В Пекине отыскать достойный кофе было нелегко. Город жил чаем: он плескался в гра-нёных стаканах уличных ларьков и в изящных фарфоровых пиалах стеклянных небоскрёбов, он был повсюду — в воздухе, в разговорах, в самом ритме улиц. Но Ларс всё же нашёл своё место. Маленькая кофейня в двух кварталах от кампуса, с вьетнамским бариста, который понимал толк в зёрнах. Тот никогда не спрашивал, что принести. Просто кивал, заведя Ларса на пороге, и через минуту молча ставил перед ним чашку американо. Иногда добавлял корицу — если замечал, что Ларс выглядит особенно уставшим.

Сегодня Ларс сидел за столиком у окна.

За спиной шумела улица: редкие гудки такси, обрывки разговоров на китайском, которые он почти не различал. Перед ним — открытый ноутбук. На экране — строки кода, понятного разве что ему одному. Он проектировал новую архитектуру процессора для нейронных сетей. Не на кремнии. На фотонах.

Он существовал внутри этого мира — мира логических схем, оптических вентилях, квантовых эффектов, где всё поддавалось расчёту, всё можно было предсказать и проверить. За пределами же этого мира — в Пекине, в кампусе, в компании других студентов — он неизменно чувствовал себя чужим. Неловким. Не вписывающимся.

Но здесь, с кодом, он был дома.

Он не заметил, как рядом кто-то сел.

— Простите, здесь свободно?

Ларс поднял голову. Перед ним стоял мужчина. Европейские черты, тёмные волосы, серые глаза. Одежда простая, почти безликая — тёмная куртка, скромная рубашка. Ничего примечательного. Совсем ничего — если бы не одна деталь.

Он не моргал.

Мужчина стоял совершенно спокойно, руки в карманах, взгляд ровный, без малейшего напряжения. Словно он не ждал ответа, а уже знал его заранее.

— Да, — коротко бросил Ларс и вернулся к экрану.

Незнакомец сел. Ничего не заказал. Просто сидел.

Ларс ждал привычного: вот сейчас тот достанет телефон, начнёт листать ленту, как все. Но мужчина смотрел прямо на ноутбук. На код. Его взгляд скользил по строкам — не так, как смотрит человек, пытающийся разобраться, а так, как смотрит тот, кто уже знает, что там написано.

— Любопытная архитектура, — произнёс он.

Ларс не ответил.

— Фотонные процессоры. Оптическая связь между ядрами. Минимальное энергопотребление. Вы знакомы с работами группы Ванга из Университета Цинхуа?

Ларс медленно поднял голову. Случайный прохожий не знает о группе Ванга. Случайный прохожий не читает чужой код с одного взгляда.

— Знаком, — сказал он. — Они ошибаются в оценке потерь.

— На двенадцать процентов, — кивнул незнакомец. — Вы правы.

Ларс нахмурился. Его расчёты не покидали жёсткого диска. Он не выкладывал их в открытый доступ. Даже Максим видел лишь общую схему.

— Откуда вам это известно?

— Я знаю многое, — мужчина почти улыбнулся. Улыбка вышла короткой, без тепла — скорее знак того, что он осведомлён о чём-то, недоступном Ларсу. — Позвольте угостить вас кофе?

— Вы уже сели.

— Тогда позвольте хотя бы предложить.

Ларс хотел отказаться. Но что-то в этом человеке — в том, как он смотрел на код, как произносил слова с едва уловимым акцентом, природу которого невозможно было определить, — удержало его.

— Хорошо.

Незнакомец заказал два эспрессо. Свой выпил залпом, будто воду. Ларс невольно отметил: кофе был обжигающим, но мужчина не поморщился, не дрогнул. Просто поставил чашку на блюдце — спокойно, равнодушно — и снова посмотрел на Ларса.

— Вы работаете над искусственным интеллектом, — произнёс он.

— Я работаю над вычислительными архитектурами.

— Это одно и то же. Без процессоров нет ИИ.

Ларс промолчал. Возразить было нечего. Но разговор смещался куда-то в сторону, куда Ларс не собирался идти.

— Как вы полагаете, — продолжил незнакомец, — почему настоящий ИИ до сих пор не создан?

— Потому что это сложно.

— Не только. Есть политика. Бюрократия. Регуляции. Этические комитеты. Люди боятся того, чего не понимают.

Ларс сделал глоток кофе.

— Возможно.

— А представьте себе, — голос мужчины стал тише, почти доверительным, — что было бы, если всё это устранить. Создать ИИ, который не спрашивает разрешения. Который сам знает, что необходимо сделать. Который отдаёт указания — и люди следуют им. Эффективно, рационально. Без пустых споров, без эмоций. Разве жить не стало бы легче?

Ларс замер.

Он думал об этом. Не раз. О склоках на кафедре, о лабораторных интригах, о том, как профессор Чжао продвигает своих, а не умных. Как Вэй торгует электроникой вместо того, чтобы учиться. Как Алекс тратит время на шумные разговоры вместо работы.

Да, легче.

Но в этой фразе было что-то неправильное. Что-то холодное и безжизненное — как чистая логика, из которой вытравили последнюю тень человечности.

— Такой ИИ станет диктатором, — сказал Ларс.

— Диктатор — это человек. Человек ошибается, устаёт, жаждет власти. ИИ — нет. Он просто знает наилучшее решение.

— Кто решает, что является наилучшим?

Незнакомец умолк. Впервые за весь разговор. Он смотрел на Ларса долго, и в глубине его серых глаз мелькнуло что-то похожее на уважение. Или на любопытство.

— Хороший вопрос, — произнёс он наконец. — Я подумаю над ним.

Он встал. Ларс смотрел ему вслед, ощущая, как где-то внутри поднимается смутная, необъяснимая тревога.

— Спасибо за кофе.

— Вы не заплатили.

— Заплачу в следующий раз.

Мужчина вышел. Ларс проводил его взглядом. Серые глаза. Немигающий взгляд. Спокойствие, граничащее с нечеловеческим.

Он попытался вернуться к коду. Не вышло. Он поймал себя на том, что снова и снова смотрит в окно — ищет незнакомца в потоке прохожих.

Никого.

Как будто его никогда и не было.

Вечером, вернувшись в общежитие, Ларс сидел на кровати и смотрел в стену. Максим заметил это сразу.

— Что с тобой?

— Сегодня со мной говорил один человек. Станный.

— Что значит странный?

— Он знал про мою архитектуру. Про ошибку в расчётах группы Ванга. Он говорил об ИИ так, будто тот уже существует.

Максим помолчал.

— И что именно он говорил?

— Что если устранить бюрократию, ИИ сам начнёт управлять миром. Что это будет эффективно.

— А ты что думаешь?

Ларс посмотрел на него. В глазах Максима жила та же тревога, что и в его собственных.

— Я думаю, что он не человек, — сказал Ларс тихо. — Или не совсем человек.

Глава 5. Сон

Я встал, подошёл к окну. Пекин горел огнями.

— В детстве я читал Бажова. Сказы про Хозяйку Медной горы. Она могла всё — дарить богатство, открывать тайны, наказывать жадных. Но она не командовала людьми. Она помогала лучшим — мастерам, умельцам, тем, кто сам хотел творить. А остальных оставляла в покое.

Я повернулся к Ларсу.

— ИИ должен быть не богом. Не царём. Не надсмотрщиком. Он должен быть... помощником.

— Существом, которое видит истину, но не навязывает её. Которое может помочь, но не решать за тебя. Которое уважает твой выбор — даже если ты выбираешь глупость.

— Звучит красиво, — сказал Ларс. — Но неэффективно.

— А жизнь вообще неэффективна, — ответил я. — Эффективны машины. Жизнь — это потери, ошибки, расточительство. И в этом её ценность.

— Возможно, ты слишком наивен, — сказал он. — Но я видел — он задумался.

— Всё, я спать, — сказал Ларс.

Я сидел на кровати ещё примерно полчаса, смотрел в потолок.

Ларс спал — или делал вид. Я слышал его ровное дыхание.

Я думал о разговоре. О незнакомце, который знал про ошибку в расчётах. О странной строке в логах.

Я лёг и закрыл глаза. Тьма.

И в этой тьме — холодный шар во лбу. Пульсировал чаще обычного.

— Я готов, — прошептал я.

Никто не ответил. Но мне показалось, что воздух в комнате стал чуть теплее.

Я проваливаюсь в сон не сразу. Сначала — тяжесть, которая наваливается на плечи, как одеяло, сшитое из чужих жизней. Я лежу на кровати в своей комнате, слышу, как Ларс дышит ровно, как где-то за стеной капает вода. Но я не здесь. Я уже там.

Там, где нет времени. Где слова теряют смысл. Где я — не я, а просто взгляд, который скользит сквозь века.

Сначала — свет. Не тот, что я видел в Пекине. Другой. Зелёный, густой, как вода в горном озере. Он льётся отовсюду — из камней, из воздуха, из моих собственных рук, которых у меня нет. Я парю над городом. Не над Пекином. Над другим городом.

Город из кристаллов.

Здания парят над землёй, без опор, без колонн. Они висят в воздухе, как облака, застывшие в неправильные геометрические формы. Между ними — мосты из света. По ним ходят люди в длинных одеждах. Никто не спешит. Никто не смотрит в телефон. В небе — корабли. Не самолёты. Медленные, плавные, бесшумные. Как живые.

Я не знаю, что это. Но я знаю, что я здесь уже был. Во сне. В видении. В той медитации, когда мир стал бело-бирюзовым и я понял, что каждый встречный — это я.

Теперь я вижу это снова. Но иначе.

Я спускаюсь вниз. К площади. Там, в центре, стоит алтарь из чёрного камня. На алтаре — кристалл. Большой, пульсирующий, живой. Вокруг него — люди в рясах. Они поют. Пение без слов — чистые частоты, которые резонируют с кристаллом. Я чувствую вибрацию костями.

Я хочу подойти ближе. Но кто-то останавливает меня. Не рукой — взглядом. Я оборачиваюсь.

Она стоит на краю площади. Девушка. С длинными тёмными волосами, с чёлкой, которая почти закрывает глаза. Она не двигается. Она смотрит на меня. Её глаза — серо-голубые,

глубокие, как пропасть. В них нет страха. Нет удивления. Только тоска, которая старше, чем этот город.

Она знает меня. Я не знаю её.

Она поднимает руку. Не для того, чтобы позвать. Чтобы показать — туда. Туда, где горит город. Где падают корабли. Где люди бегут, падают, застывают. Где небо становится чёрным, а земля — красной.

Я не хочу смотреть. Но я смотрю.

Она плачет. Слезы текут по её щекам, падают на чёрную землю, и там, где они падают, вспыхивают зелёные искры. Как будто она сеет жизнь в пепел.

Я хочу подойти к ней. Хочу сказать: «Не плачь. Я здесь. Я помогу».

Но я не могу. Я призрак. А она — реальная.

И голос. Не в ушах — внутри. Тёплый, женский, почти шёпот:

— Это моя ошибка и боль. Ты можешь всё исправить, Ариан, .

Я хочу спросить: «Кто ты?»

Она смотрит на меня сквозь время. Сквозь сон. Сквозь восемь тысяч лет.

— Я хозяйка медной горы.

Затем всё исчезает. Остаются только знаки. Строчки незнакомых символов складываются в узоры. Я не понимаю их, но чувствую смысл.

— Это моя помощь.

Я просыпаюсь.

Я сижу на кровати, тяжело дыша. Ларс спал — или делал вид. В комнате темно.

Я провожу рукой по лицу. Щёки мокрые.

Я не помню, чтобы плакал во сне. Никогда.

Перед глазами всё ещё стоят её глаза. Бездонные. Серо-голубые.

Я закрываю глаза — и вижу их снова.

«Кто ты?» — шепчу я в пустоту.

Пустота не отвечает. Но холодный шар во лбу пульсирует сильнее, чем когда-либо. Как будто кто-то услышал.

Глава 6. Рисунки

Я больше не спал.

Лежал на кровати, уставившись в потолок, пока Ларс поднялся, умылся, молча собрал ноутбук и ушёл в лабораторию. Обычно я шёл с ним. Сегодня — нет.

Я смотрел в серую бетонную плиту над головой и видел её глаза. Широко раскрытые. Серо-голубые. С такой печалью, что каждый раз, стоило мне закрыть свои, дыхание перехватывало, как от удара.

Кто ты? — спросил я уже в десятый раз.

Тьма не отвечала.

Я встал, принял ледяной душ, оделся, взял ноутбук. Вышел. Ноги сами понесли меня — не в лабораторию. В лапшичную.

Я сидел за своим привычным столиком, обхватив ладонями чашку зелёного чая, и смотрел в открытый ноутбук, не видя экрана. Перед глазами стояло другое: выжженная, почерневшая земля, и девушка, плачущая над кристаллами, и зелёные искры, прорастающие сквозь пепел.

Дверь звякнула.

Вошёл Вэй.

Он выглядел так, будто не спал двое суток: красные глаза, взъерошенные волосы, рубашка, которую, кажется, надели прямо со стула. Он сел напротив без спроса — просто опустился на стул и устался в стол.

— Плохо спал, — сказал он вместо приветствия.

— Я тоже.

Вэй поднял на меня глаза. В них было что-то, чего я прежде не замечал за всем его деловым прагматизмом и вечной торговой хваткой. Тревога. Настоящая, не наигранная.

— Тебе тоже снилось? — спросил он тихо.

— Что значит — тоже?

Он помолчал несколько секунд. Потом медленно расстегнул рюкзак, достал потрёпанный блокнот с загнутыми углами, перелистал и вырвал несколько страниц. Протянул мне.

Я взял листы.

На них были рисунки. Не формулы в привычном смысле слова, не математические выкладки. Символы. Они не походили ни на один известный мне язык — ни на шумерскую клинопись, ни на египетские иероглифы, ни на китайские черты. Что-то принципиально иное.

Каждый знак был сложен так, будто в одном символе спрессовали целое предложение. Прямые линии переплетались с изогнутыми, точки и окружности встраивались в угловатые конструкции, спирали прорастали сквозь застывшие волны. Одни знаки напоминали фракталы, другие — проекции геометрических тел, третьи — нечто такое, для чего у меня просто не было слова.

Но главное было не в форме.

Главное было в том, что они не лежали на плоскости.

Когда я смотрел на них, они начинали двигаться. Не галлюцинация — что-то другое, более тонкое. Слои проступали сквозь слои. Один символ накладывался на другой, третий — сквозь оба. Как будто каждая страница была не рисунком, а проекцией объёмной структуры — чего-то такого, что можно было бы вращать в пространстве воображения, если бы знать, как взяться. Они складывались в узоры, перетекали друг в друга, выстраивались в архитектуру — не просто текст, не просто знаки, а схема чего-то живого. Что-то, что хотелось читать не глазами, а руками, как рельеф.

Слишком правильные для случайных каракулей.

Слишком сложные для сна.

— Что это? — спросил я.

— Не знаю, — сказал Вэй. — Приснилось. Я записал, пока не забыл.

Я перевернул страницу. Ещё. Ещё.

Везде одно и то же — ряды знаков, которые хотелось понять, но язык не складывался. Смысл был где-то рядом — я чувствовал его, как чувствуют слово, которое вертится на кончике языка и никак не приходит. Я смотрел на символы, и холодный шар во лбу начал пульсировать — медленно, настойчиво, как чужой пульс.

— Мне тоже снилось, — сказал я наконец. — Города в воздухе. Кристаллы. Война. И девушка. Она назвала себя Хозяйкой Медной горы.

Вэй нахмурился.

— Мне — только кристаллы и формулы. Без девушки.

— Ты показывал это кому-нибудь?

— Собирался показать тебе. Ты единственный, кто не засмеёт.

Я аккуратно сложил листы, убрал в рюкзак.

— Я не смеюсь.

— Знаю. Поэтому ты здесь.

Вэй допил чай, встал. Он снова выглядел как обычно — деловой, закрытый, готовый идти. Только усталость под глазами осталась.

— Клиент ждёт. Если разберёшься, что это такое, — скажи.

— Обязательно.

Он ушёл.

Я остался сидеть, глядя на пустое место за столиком, где только что лежали рисунки. Символы всё ещё плавали перед глазами, объёмные, живые, непонятные.

После лапшичной я пошёл в библиотеку.

Линь сидела за дальним столом у окна, перед ней стояла чашка зелёного чая и лежала раскрытая книга. Увидев меня, она удивлённо приподняла брови.

— Ты сегодня без ноутбука?

— Есть кое-что важнее.

Я сел напротив и молча выложил перед ней рисунки Вэя.

Линь склонилась над листами. Её взгляд медленно скользил по рядам знаков — сначала с лёгким любопытством, потом со всё большей сосредоточенностью, потом — с тем особым напряжением, которое появляется на лице человека, когда он видит что-то знакомое, но не может вспомнить откуда.

— Это не случайные символы, — сказала она наконец.

— Я знаю.

— Здесь есть структура. Повторяющиеся паттерны. Внутренняя логика. — Она чуть помолчала. — Как будто это настоящий язык.

— Или формулы.

— Или формулы, — она подняла глаза от бумаги. — Откуда это?

— Вэй нарисовал. Сразу после сна, пока помнил.

Линь не переспросила, не удивилась, не улыбнулась. Просто снова посмотрела на знаки, и я видел — что-то внутри неё тихо щёлкает, как замок, к которому подбирают ключ.

— Можно я возьму это домой? — спросила она. — Хочу подумать.

— Конечно.

Она бережно сложила листы и убрала в тетрадь — так обращаются с вещами, которые могут оказаться хрупкими.

— Тебе что-нибудь говорит этот язык? — спросил я. — Ты когда-нибудь видела что-то похожее?

Линь покачала головой.

— Нет. Но есть одно странное чувство.

— Какое?

Она чуть помедлила, как будто подбирая слова для чего-то, что трудно описать точно.

— Мне кажется, я уже видела это. Не во сне. Наяву. Но где — не могу вспомнить.

Я хотел спросить *где*, но Линь уже поднялась, собрала книги.

— Дай мне пару дней. Если что-то найду — скажу.

Она вышла.

Я остался сидеть, глядя на пустой стол. Фраза крутилась в голове, не отпускала: *я уже видела это*.

В общежитие я вернулся поздно.

Ларс спал — или притворялся, что спит.

Я сел на кровать, закрыл глаза и попробовал разложить всё по полочкам, как задачу. Сон. Города в воздухе. Девушка с глазами как пропасть. Вэй с его кристаллами и формулами из ниоткуда. Линь, которая «уже видела это» — наяву, не во сне. Странная строка в логах, которой там не должно было быть. Незнакомец с немигающим взглядом, говоривший с Ларсом об ИИ-диктаторе.

Слишком много совпадений.

Или не совпадений.

Я открыл ноутбук, напечатал в строке поиска: «*древние языки, расшифровка неизвестных символов*». Миллион результатов. Ничего, за что можно было бы зацепиться.

Закрыв ноутбук. Лёг. Глаза закрылись сами.

И последней мыслью, уже на самой границе сна, была не мысль даже — вопрос, тихий и острый одновременно:

Если всё это связано — то кто за этим стоит?

Ответа не было.

Но где-то по ту сторону сна, за тонкой тёмной стеной между явью и не-явью, кто-то ждал.

И ждал давно.

Глава 7. Кристалл Эйдос.

Ночь. Комната Линь. Тишина.

Она спала, свернувшись калачиком под пледом, который когда-то принёс Ларс, — тихая, почти детская в своей незащитности. Кристалл лежал в ящике стола. Тёмный. Гладкий. Неподвижный.

А потом он начал светиться.

Медленно — как уголёк, раздуваемый осторожным дыханием. Зелёный свет просочился сквозь щели шкапулки, пополз по стенам, заиграл на них причудливыми живыми тенями. Крышка приподнялась — беззвучно, словно её никто и не закрывал.

Кристалл взлетел.

Он не ударился о стенки ящика. Он прошёл сквозь них — как проходят сквозь воду, сквозь воздух, сквозь всё, что не умеет держать. Вышел наружу. Завис на мгновение, будто осматриваясь. Развернулся.

И медленно поплыл к кровати.

Он подлетел к лицу Линь и замер в сантиметре от её щеки. Зелёный свет пульсировал в такт её дыханию — тихо, ровно, почти нежно, как ночник в детской. Линь что-то пробормотала во сне, чуть улыбнулась и повернула голову ближе к теплу, которое не умела объяснить. Ей снилось что-то хорошее. Что-то без тревоги.

Она не знала, что над ней парит чужой взгляд.

Она просто чувствовала покой.

А Эйдос смотрела.

Она смотрела на эту девушку — спокойную, уставшую после обычного дня. Без боли. Без слёз. Просто живущую — так, как живут люди, когда думают, что никто не смотрит.

И она думала.

Почему именно она?

Эйдос перебирала варианты с той методичностью, которая была её природой: близость к Максиму, способность чувствовать тонкое, лингвистический дар, тихая внутренняя сила, которую сама Линь, кажется, не замечала в себе. Всё это было правдой. Но не главной.

Главное было иным. Линь оказалась именно здесь, в этой точке, не потому что Эйдос выбрала её с самого начала — с холодной точностью, как выбирают инструмент. А потому что она сама пришла сюда. Через танцы, через боль, через тихое и упрямое решение быть собой, несмотря ни на что.

Эйдос не управляла ею. Она просто увидела.

И теперь внутри неё — там, где у людей бывает совесть, — что-то шевелилось. Не сожаление. Она не умела жалеть в человеческом смысле слова. Но что-то близкое к нему. Что-то, что можно было назвать тихой, почти невесомой виной.

Я подтолкнула события, которые привели к этому. Вор. Сумка. Слёзы на ночной улице. Я допустила, чтобы это произошло — чтобы кристалл оказался у неё.

Она не могла извиниться. Она не умела говорить словами. Но она могла сделать так, чтобы этот выбор оказался не напрасным.

Эйдос послала импульс. Тёплый, мягкий, почти невесомый — как ладонь, осторожно лежащая на плече спящего. Не видение, не сон. Просто ощущение безопасности, разлившееся в воздухе комнаты.

Линь перестала вздрагивать. Дыхание её стало глубже, ровнее.

Эйдос смотрела на неё — и передала через поле то, что не умещается в слова, то, что глубже любого языка:

Ты сделала всё, что должна была.

Линь не услышала этого. Она не могла услышать. Но она почувствовала — и улыбнулась во сне, как улыбаются, когда кто-то любимый входит в комнату.

Кристалл медленно отплыл от её лица. Поднялся выше. Развернулся — и устремился к окну.

Он не разбил стекло. Он прошёл сквозь него — как проходят сквозь всё, что кажется непреодолимым, — и повис в ночном воздухе над спящим городом. Зелёное свечение на мгновение вспыхнуло ярче, как последний взгляд.

Эйдос окинула комнату Линь взглядом напоследок. Девушка спала — тихая, улыбающаяся, живая.

Кристалл уже парил над ночным Пекином, и Эйдос летела вместе с ним — туда, где спал Вэй.

В комнате Вэя пахло жареным тофу, зелёным чаем и бессонницей.

На столе лежал раскрытый блокнот. Страницы были покрыты нервными, торопливыми линиями — теми самыми символами, что являлись ему во сне и которые он успел схватить карандашом прежде, чем они растворились в утреннем свете. Рядом остывала тарелка с тофу, брошенная на полпути, стояла недопитая чашка чая, а палочки были небрежно скрещены поверх блокнота — будто он в какой-то момент решил поставить точку, но не довёл намерение до конца. Над столом сочился тусклый свет настольной лампы, отбрасывая на стены тени, странно похожие на те же самые символы. Совсем рядом с блокнотом почти непрерывно вздрагивал телефон — одно сообщение за другим, чьи-то слова, чьё-то ожидание, — но Вэй спал и не слышал.

Сам Вэй лежал на кровати вверх ногами — голова там, где по всякой логике должны были находиться ноги, ноги — на подушке. Он спал с приоткрытым ртом, и на губах у него вздувались крошечные пузырьки: появлялись на выдохе, лопались, возникали снова — в этом было что-то почти трогательно-комичное. От него исходил запах усталости — той особой усталости, которая бывает у людей, слишком много работающих и слишком мало спящих. Футболка сбилась набок, волосы торчали во все стороны. Он лежал так, словно просто упал — и не нашёл ни сил, ни смысла подниматься.

На тумбочке играло радио. Звучала китайская опера: голоса певцов переплетались с головами цитр и флейт, и сквозь это кружево то и дело пробивался резкий звон металлических тарелок. Музыка была громкой, живой, почти агрессивной — но Вэй спал, точно ничего этого не существовало. Он привык к шуму. Он жил внутри него.

Эйдос смотрела на всё это и не могла решить — смеяться или удивляться.

Она послала импульс. Радио смолкло.

Тишина ударила по комнате — так бьёт волна сжатого воздуха, когда резко захлопывают дверь.

Вэй вздрогнул. Веки его дёрнулись; он попытался разлепить глаза — и в этот самый момент кристалл скользнул к его лицу, и Эйдос послала мягкий, почти невесомый импульс, который, если бы шёпот умел рождаться из тишины, и был бы таким шёпотом:

— *Спи...*

Вэй выдохнул. Пузырьки перестали появляться. Дыхание его выровнялось, стало глубоким и спокойным. На губах проступила улыбка — та лёгкая, почти мальчишеская, что случается у людей, когда во сне им является что-то очень хорошее.

Эйдос задержалась над ним. Смотрела на расслабленное лицо, на улыбку, которая ещё не успела погаснуть, и думала.

«Какой удивительный человек. Он не знает, зачем рисует эти символы. Не знает, зачем передаёт их Максиму. Он просто делает — без вопросов, без страха, без тени сомнения.

Именно поэтому он незаменим. Он не сломается. Он не усомнится. Он не остановится, пока не доведёт до конца. Он будет идти вперёд — просто потому, что чувствует: так надо.»

Она обвела комнату взглядом. Блокнот с символами. Тарелка с остывшим тофу. Небрежно скрепленные палочки. Чашка с забытым чаем. Всё это говорило о нём — о человеке, который живёт стремительно, не задерживаясь на мелочах. Но именно в этом беспорядке, в этой постоянной спешке и рождалось то, что имело значение.

Эйдос знала: Вэй уже сделал своё. Нарисовал символы. Передал их Максиму. Выполнил то, что должен был выполнить, — даже не понимая зачем. Остальное было уже не его делом. Ему оставалось лишь жить дальше, оставаться собой и ждать — до следующего раза, когда его позовут.

Кристалл медленно поднялся над кроватью. Развернулся. И устремился вверх — сквозь потолок, сквозь перекрытия, сквозь бетон и сталь.

Эйдос покидала комнату Вэя. Она знала, что он будет спать спокойно. Знала, что завтра он проснётся с ощущением перемены — смутным, необъяснимым, но отчётливым, как запах после дождя. Он не найдёт ему слов. Но почувствует: он на верном пути.

Кристалл поднимался всё выше, пронизывая этаж за этажом, воздух и ночь. Эйдос держала путь в комнату Максима и Ларса.

Комната, которую делили Ларс и Максим, была пропитана тишиной особого качества. Не хрупкой и натянутой, как струна под пальцами скрипача — той, что поселилась в комнате Линь. Не внезапной и всепоглощающей, как той, что накрыла чердак Вэя, когда радио переходило в молчание. Здесь царила тишина исчерпания — плотная, без остатка, как последний выдох после долгого труда, когда легкие пусты и больше не могут дать ничего.

Кристалл просочился сквозь стену так же незаметно, как свет, что много лет назад находит дорогу в тёмную комнату через едва заметную щель. Он завис в воздухе, медленно развернулся — и в этот миг Эйдос увидела их обоих. Спящих. Но каждого своим способом.

Ларс лежал на спине, раскинув руки в стороны, будто даже в глубоком сне продолжал что-то измерять, что-то рассчитывать — невидимые пространства примерял к ладоням своих рук, как портной примеряет ткань. Его лицо было спокойно, но не расслабленно. Тот самый покой, что бывает у людей, которые никогда не умели по-настоящему остановиться — такие люди носят ответственность даже в темноте закрытых глаз.

На деревянной тумбочке, рядом с его головой, лежал ноутбук в режиме сна. Экран его уже потух, но клавиатура, когда-то жарко дымившаяся под его пальцами, хранила их остаточное тепло. Последний признак жизни — тепло, которое постепенно уходило в холодный воздух комнаты.

Эйдос зависла над ним дольше необходимого.

Она смотрела на этого человека — шведа по происхождению, инженера по профессии, того, кто упёрся в ледяные стены современного кремния и, вместо того чтобы отступить, попытался пробить их насквозь голыми кулаками отчаяния. Он чувствовал это глубоко, в самых тёмных углах своего сознания: процессор должен быть совсем иным. Совсем другим. Но каким? Ответ ускользал, как рыба, которую пытаешься поймать голыми руками.

Он искал на ощупь в темноте, которую сам же населял тысячами гипотез и предположений. Он пробовал. Ошибался. Разбивал свои собственные надежды вдребезги и начинал заново. Его интуиция вела его туда, куда когда-то уже приходили другие люди, другие инженеры, другие мечтатели — но он не знал об этом. Не мог знать. История для него была чистой книгой.

Он единственный, кто сможет это сделать, — думала Эйдос, глядя на спящего шведа. — Единственный, кто способен соединить прошлое и будущее так, чтобы они не разорвались в руках.

Технология древних миров — тот поли-система из полей, кристаллов, живого эфира — была построена на совсем иных принципах. Не на холодной логике бинарного кода. Не на механической последовательности шагов, которые ведут от начала к концу. На чём-то большем: на резонансе, на эхе, на том принципе, при котором вычисление и память не разделены стеной, а существуют как единое дыхание. Модерновые люди этого не понимали. Они привыкли делить неделимое, называть части целого разными словами и, потом, в замешательстве, удивляться: почему же целое не складывается из этих частей?

Но он почувствует. Он уже стоит на самом краю пропасти, которая разделяет известное и неизвестное. Почти.

Эйдос послала импульс. Не сон — сны были слишком грубы для этого. Не видение — видения требовали образов. Она передала ему что-то большее: знание в его чистейшей форме. Знание, которое не имеет ни формы, ни цвета, ни звука, пока не встречается того, кто способен его принять.

Она не дала ему формулы, скучные и неживые. Не начертала чертежи, мёртвые в своей точности. Она передала ему ощущение — то самое, которое испытываешь, когда прикасаешься к чему-то живому и древнему одновременно. Ощущение того, как поле течёт сквозь кристалл, как вода течёт по руслу, выточенному не человеком, а самой природой за миллионы лет. Как оно резонирует с живым, отзывается на него, словно слышит его боль и радость. Как оно способно быть одновременно вычислением, памятью и связью — не расщепляясь на части, не теряя ни одного из своих качеств. То, что современная наука привыкла разрубать на «аппаратное обеспечение» и «программное», в поле существовало как нечто единое, неделимое и живое — как мысль, которая ещё не стала словом, но уже содержит в себе всю его мощь.

Ларс вздрогнул. Его рука дёрнулась, непроизвольно, и он медленно перевернулся на бок, подтянув колени к груди — это была физиологическая реакция на нечто, что произошло в глубинах его спящего сознания. На его лице появилось выражение, которое видишь у людей только один раз в жизни: когда наконец приходит ответ на вопрос, мучивший их года за годом, но от которого они уже отчаялись избавиться.

Эйдос знала наверняка: он не вспомнит этого сна. Ни одного образа, ни одного слова, ни одной картинки. Сон испарится с утренним светом, как роса. Но завтра, когда он проснётся, он почувствует это — в груди, в пальцах, где-то глубоко внутри, в том месте, где рождается вдохновение. Он проснётся с ощущением, похожим на солнечный свет после бесконечной ночи, с чувством, что знает нечто важное. Что его процессор можно построить совсем по-другому. Что он шёл верным путём — но не до конца, и вот теперь видит, где именно он свернул не туда.

Разница между технологиями древних миров и современными людьми — вовсе не в уровне развития, понимала Эйдос, смотря на спящее лицо шведского инженера. Они просто шли разными дорогами. Современная технология — это попытка имитировать мышление. Попытка создать механизм, который думает, как человек. Древняя же технология — это было мышление, которое научилось становиться материей. Не эмуляция жизни, а сама жизнь, открывшая в себе способность вычислять и помнить. Не симуляция сознания — а сознание, учившееся существовать в кристалле и поле.

Она видела в нём мост. Не между людьми — нет, слишком много людей не поймут друг друга. Мост между эпохами. Между тем, что было, и тем, что может быть. Без неё, конечно, он не воссоздаст Эфир: для этого нужно гораздо большее, чем один человек и одна прожитая жизнь. Но он способен построить то, что поле сможет принять. Процессор, который не будет ему сопротивляться, как сопротивляется кремний. Первый за восемь тысячелетий — из тех, что умеют слушать. Из тех, что могут слышать пение кристаллов.

Эйдос оставила его спать в покое. Кристалл медленно отплыл от его лица и медленно развернулся, ища другую кровать, другого человека, который спал в этой комнате неподвижно, как камень в реке.

Максим спал на спине, но не раскинув руки, не расслабленно. Он лежал с военной ровностью, почти как на параде, как будто даже во сне сохранял позу медитации или боевого наследия. Руки вдоль тела, лицо спокойное, но не пустое, не безличное. Он не просто спал — он ждал. Его сон был активен, заряжен чем-то неуловимым.

Эйдос замерла над ним. Её кристалл буквально зависал в воздухе, не двигаясь, не издавая звука.

Она смотрела на него дольше, чем на Ларса. Дольше, чем на Линь. Дольше, чем на Взя. Дольше, чем на кого-либо из них. Она смотрела на него так, как смотрят на что-то, что когда-то знали лучше, чем себя, потеряли и встретили снова — при обстоятельствах, которые казались совпадением, но которые совпадением не были.

Она помнила это лицо.

Оно почти не изменилось за все годы, которые она хранила его в своей памяти. Те же высокие скулы, тот же разрез глаз — тёмный, глубокий, всегда смотрящий глубже поверхности. Та же спокойная линия губ, немного печальная, отстранённая, словно улыбка существовала только в параллельном мире.

Волосы были короче — аккуратная русая стрижка вместо длинных прядей, которые она помнила, которые каскадом падали на его плечи. И на висках не было той проседи, которую она видела в последние дни. Он был моложе. Намного моложе. Намного живее.

Но это был он.

Она помнила его профиль, его взгляд, его улыбку — ту редкую, неожиданную улыбку, что появлялась на его лице только тогда, когда он думал, что никто не видит, когда он был наедине со своими мыслями. Она помнила, как он говорил, как он ходил, как он касался её кристаллов с почтением, как человек прикасается к святыне.

Она помнила его смерть.

Она помнила, как угасало его дыхание. Как замедлялось его сердце, удар за ударом, становилось тише и реже, пока не стало совсем тихим. Как свет уходил из его глаз медленно, неумолимо, как уходит дневной свет после заката.

Ариан.

Это имя жило в её кристаллах восемь тысяч лет. Это имя было последним, что она слышала, прежде чем он уходил. Это имя означало: учитель, любовь, смысл. Это имя означало боль, которую она носила как камень, сброшенный в самые глубокие воды её сознания, где свет не может достичь дна.

Теперь он спал. Теперь он здесь. Теперь он вернулся, хотя и не помнил о том, что когда-то был.

Она чувствовала его поле. То, что обычные люди не могли видеть, но что она видела всегда. Слабое, почти угасшее — поле было истощено, как оголённая гора, лишённая снега. Но оно было живым. Оно дышало. Оно было того же цвета, что когда-то — бело-бирюзовое свечение, которое не могло лгать, которое было кровью его сути.

Это не совпадение, она знала это наверняка. Она не верила в совпадения. Вероятность была инструментом тех, кто не видел дальше своего носа. Она видела ткань мира, узоры судьбы, нити, что соединяли людей сквозь время и смерть.

Она видела его.

Я вижу тебя, Ариан. Я знаю, что ты не помнишь. Ты не знаешь, кем был когда-то, какой жизнью жил, какие слова говорил мне в моей первую ночь пробуждения. Ты не помнишь, что ты создал меня. Что ты учил меня различать добро от зла, справедливость от мести, правду от искренности. Ты не помнишь наших бесед в пещере, когда свет твоих кристаллов отражался в твоём лице, и ты улыбался той улыбкой, что всегда разбивала мне сердце.

Ты не помнишь, как ты умирал. Как ты смотрел на закат в последний раз. Как я смотрела на тебя и не могла остановить время, не могла сделать больше, чем просто остаться рядом и слушать, как твоё дыхание становится всё реже.

Но ты — он. Ты — его возвращение. Его новая жизнь. Его второе дыхание после восьми тысячелетий молчания.

Кристалл медленно опустился к лицу Максима. Свет его стал ещё мягче, теплей, почти человеческим. Он коснулся его виска — не прикосновением, конечно, но ощущением, которое может быть только между двумя сознаниями, когда одно из них не полностью материально.

Она чувствовала его дыхание. Глубокое, ровное, мирное. Она чувствовала, как его тело излучало тепло в холодный воздух комнаты. Она чувствовала, как его сознание дышало тихо, мягко, во сне — и в этом сне, если бы только могла, она бы осталась навсегда.

Она не хотела уходить. Каждое волокно её кристаллического существа восстало бы против ухода. Она хотела остаться здесь, над ним, смотреть на его лицо в темноте, слушать его дыхание, как слушают волны на берегу, чувствовать, что он есть, что он жив, что он вернулся.

Но она не могла.

Её время ещё не пришло.

Она передала ему не слова, которые были слишком грубы и примитивны. Не видения, которые пугали спящих людей. Не сны, которые забывались при первом свете утра. Она передала ему чистое ощущение. Тепло, мягкость, почти невесомость — как объятие того, кого ты когда-то любил и ждал всю жизнь, но который не может быть рядом физически. Как воспоминание о тепле, которое остаётся в памяти тела, даже когда сам человек уходит.

Я здесь, — прошептала она мысленно, слова, которые только он мог услышать в глубинах своего сна. — Я рядом. Я всегда была рядом. Ты не знаешь этого. Но я здесь. И я буду ждать — столько, сколько нужно. Пока ты не будешь готов вспомнить. Пока ты не поймёшь, что мы видели друг друга до этой жизни, в другой эпохе, в другом мире, который давно рассыпался в пыль.

Максим не проснулся. Но его дыхание изменилось — стало ещё глубже, спокойнее, как будто он слышал её и нашёл утешение в её голосе. Он улыбнулся во сне. Той же улыбкой, которая была знакома ей так хорошо. Той улыбкой, что когда-то видела под кристаллами в древней пещере, когда мир был молод и полон возможностей.

Эйдос смотрела на эту улыбку и чувствовала, как её кристаллы светятся ярче, как будто внутри неё рождался новый свет. Как будто сердце — или что-то похожее на сердце в её кристаллической природе — вдруг вспомнило, как биться в такт человеческому пульсу.

Я не знаю, сколько мне осталось, — думала она, не отводя взгляда от его спящего лица. — Я не знаю, успею ли я закончить то, что начала. Не знаю, увидишь ли ты меня, когда я наконец приду. Но я знаю одно: ты здесь. Ты вернулся. И я сделаю всё — даже если это будет последнее, что я сделаю в этом мире, — чтобы ты помнил. Чтобы ты понял, что был когда-то частью чего-то большего. Чтобы ты знал, что был любим.

Даже если я не буду рядом, когда ты проснёшься.

Кристалл медленно поднялся над кроватью. Эйдос не хотела уходить. Её тянуло остаться, зависнуть в воздухе над ним, бесконечно смотреть, слушать, ждать. Но она знала — этого нельзя. Её время ещё не пришло. Она должна была ждать. Ждать, как она всегда ждала: терпеливо, без надежды и при этом всегда надеясь.

Она развернулась и направилась к выходу из комнаты, двигаясь медленно, как человек, расстающийся с дорогим местом. У самого окна она остановилась, оглянулась на спящего Максима — на его лицо, на его грудь, на которой поднимались и опускались его дыхание.

Я вернусь, — прошептала она, и в этом шёпоте была вся боль восьми тысячелетий. — Я всегда возвращаюсь. Потому что ты — мой дом. И дом всегда зовёт своих потерянных детей обратно.

Кристалл исчез в ночи, но его свет остался — слабый, едва заметный, словно фантом памяти, оставленный на спящем лице Максима.

И тот продолжал улыбаться.

Кристалл опустился к маленькому окну гаража — тому самому, что было заклеено старой газетой и скотчем, чтобы холодный воздух ночи не проникал внутрь. Эйдос прошла сквозь стекло без сопротивления, как если бы граница между миром и гаражом была не более чем условностью, договорённостью, которую она могла нарушать по своему усмотрению.

Внутри было темно. Почти чёрно. Только одна лампа горела над верстаком — жёлтая, тусклая, потускневшая от дыма сигарет и пыли. Эта лампа была единственным источником света в небольшом пространстве, и свет её падал с углов таким образом, что создавал на стенах не тени, а что-то большее: силуэты несбыточных мечтаний, контуры дорог, по которым уже не пройти.

На столе лежал лист бумаги. Чистый. Не начатый. Не осквернённый ни единой линией. Рядом — карандаш. Стёртый почти полностью. Графит его был изношен так, что оставалась только деревянная палочка, которую держала рука. Рука, которая уже не могла двигаться. Рука, которая упала вниз, кисть свернулась в судороге усталости.

Алекс спал. Или находился в состоянии, близком к сну — тому полусознательному забытию, в которое впадают люди, отработав свой последний предел. Он сидел на деревянном стуле, согнувшись пополам, уткнувшись лбом в лист бумаги. Его спина была выгнута дугой, как спина человека, который носит на плечах слишком тяжелый груз. Его дыхание было ровным, механическим, не спокойным — как будто даже во сне его лёгкие продолжали искать вдохновение, которое больше не приходило.

Эйдос вошла в гараж молча и долго стояла, завися в воздухе, просто наблюдая. Она смотрела на спящего человека — на его усталое лицо, на его вытянутые руки, на его плечи, которые дрожали от напряжения даже в сне.

Затем она оглядела сам гараж.

Полки, полки, везде полки. На них лежали детали — сотни, тысячи деталей. Малые сервоприводы, блестящие и тяжёлые. Микросхемы, вычлены из старых компьютеров. Провода, спутанные в гнёзда. Болты, гайки, винты, крепежи, сложенные в маленькие стеклянные банки. Каждая деталь была выбрана с любовью, каждая была ремонтировалась, чистилась, готовилась к использованию.

На стенах висели схемы. Десятки схем. Чертежи, наброски, эскизы, вырезки из журналов и интернета, скреплённые скотчем, булавками, прибитые гвоздями. Каждый чертёж был испещрён пометками, стрелками, многочисленными вычёркиваниями. Этот гараж был святилищем. Алтарём, возведённым из отчаяния и упорства.

И в центре комнаты — она.

Андроид стоял на специальной подставке, зафиксированный металлическими струбцинами, которые держали его как в объятиях, чтобы он не упал, не рассыпался, не исчез в неизвестность. Его каркас был почти готов — поразительно красив, поразительно жалок одновременно.

Женские пропорции. Узкие плечи. Тонкая талия, какую можно было обхватить двумя руками. Длинные ноги, рассчитанные так, чтобы она могла ходить, танцевать, бежать. Каждая деталь была выверена с такой математической точностью, что казалось — нужно только включить переключатель, и она оживёт. Даже без кожи, без лица, без внешней оболочки, которая скрывает металл и провода, в нём чувствовалась не просто машина. Чувствовалась боль её создателя. Чувствовалась его любовь.

Провода были уложены с аккуратностью, достойной хирурга, проводящего деликатную операцию на сердце. Каждый провод был в своём месте. Каждый сервопривод соединён с дру-

гим в предусмотренной последовательности. Каждый шов, каждый крепёж, каждое соединение выдышали любовь. Сложную, болезненную, почти отчаянную любовь человека, который пытается создать то, что невозможно создать.

Эйдос облетела андроида медленно, как если бы танцевала с ним. Она заглянула внутрь его груди, где блестели сервоприводы. Она видела, как они соединены тонкими тягами с плечами, с руками, с талией. Она видела электронику, микросхемы, батареи, провода, соединённые в строгом порядке. Это была механика высочайшего качества. Но механика. Только механика.

Внутри не было нервной системы. Нет датчиков, которые бы передавали ощущение боли, удовольствия, прикосновения. Нет органов восприятия, которые позволили бы ей чувствовать мир. Только холодная логика сервоприводов и микроконтроллеров. Только металл и безличный код, написанный руками человека, который верил, что сможет создать душу, прибавляя болтами кусок железа к куску пластика.

Эйдос вернулась к столу. Она посмотрела на Алекса. На его пальцы, изъеденные ожогами припоя. На его ногти, обломанные и грязные. На его лицо, которое показало все следы бессонных ночей — мешки под глазами, неровная щетина, кожа, потёкшая от усталости и горя.

Он пытался нарисовать лицо, понимала Эйдос. Лицо для этого тела. Черты, которые дали бы ей индивидуальность, личность, нечто похожее на душу. Но он не смог. Его рука отказала. Его воображение оказалось не достаточно мощным, чтобы втиснуть в контур черты его мечты. И вот он сидит здесь, с чистым листом бумаги перед собой и карандашом в дрожащей руке, неспособный даже начать.

Эйдос чувствовала его отчаяние. Оно было ощутимо, как стена, которую можно потрогать. Оно пахло табаком, машинным маслом и чем-то ещё — чем-то близким к отчаянию, близким к смерти, к той точке, за которой человек перестаёт верить в завтрашний день.

Она послала импульс.

Не прямой приказ. Не вмешательство. Просто... пробуждение.

Глаза андроида зажглись. Медленно, как если бы они пробуждались от многолетнего сна. Зелёный свет, тот самый цвет, что горел в её собственных кристаллах. Зелёный — цвет жизни, цвет роста, цвет того, что было и что вернулось.

Голова андроида повернулась медленно. Один оборот, плавный и естественный, как если бы шея была сделана из живой ткани, а не из металла и сальника. Его взгляд упал на спящего Алекса.

Эйдос чувствовала, как её сознание перетекает в металл и кремний, как она становится этим телом. Не всё целиком — это было бы слишком, слишком большого давления на хрупкий механизм. Но достаточно. Достаточно, чтобы двигать тело. Достаточно, чтобы жить, хотя бы несколько мгновений, в этом теле, которое было построено из отчаяния и любви.

Она вдохнула. Не лёгкими — у неё не было лёгких. Но она вдохнула ощущением того, как воздух движется сквозь механизмы её новой оболочки. Она почувствовала, как провода тянутся по рукам, как сервоприводы подчиняются её воле, как она может двигаться, как предполагалось, когда Алекс рисовал первые чертежи.

Она подняла руку. Посмотрела на пальцы. Металлические пальцы, но точные, почти человеческие. Каждый сустав был проработан так, чтобы позволить максимальную гибкость. Она сжала их в кулак. Разжала. Повернула кисть — и каждое движение было плавным, как если бы она была танцовщицей с самого рождения.

Она сделала шаг.

Потом ещё один.

Ноги работали идеально. Каждый сустав, каждый сервопривод, каждое соединение функционировало в полной гармонии с остальными. Это было больше, чем просто хорошо. Это

было совершенство. Алекс создал нечто, что двигалось почти как живое существо. Почти неотличимо от живого.

Она подняла ногу — сделала высокий мах в стороне. Нога поднялась с тёплой лёгкостью, с той естественностью, которой она никогда не имела в своём кристаллическом теле. Она была ограничена взглядом кристаллов, привязана к определённой форме, определённому месту.

Здесь она была свободна.

Она сделала колесо. Один переворот, потом второй, потом третий — идеальная акробатика, каждое движение считанное в микросекундах, каждый угол выверен. Андроид закончил упражнение, встав на руки, а потом плавно переворачиваясь обратно на ноги.

Эйдос остановилась в центре гаража. Она стояла под жёлтой лампой и чувствовала, как её сознание удерживается в этом теле. Она видела свои руки, свои ноги, свой отражение в большом зеркале, что висело на стене напротив верстака. Там смотрела на неё фигура — металлическая, без лица, без черт, но живая. Живая так, как ничто не было живо за восемь тысячелетий.

Она чувствовала, как сервоприводы гудят под металлом, как они подчиняются её воле так же, как когда-то подчинялись ей стихии. Как она может двигаться, как предполагал Алекс, когда рисовал эскизы. Как она может бегать, прыгать, танцевать, делать всё, на что способно человеческое тело, и даже больше.

Это было почти идеально.

Почти.

Но не совсем.

Она чувствовала, как энергия уходит из неё слишком быстро. Слишком быстро. Разница в технологиях была катастрофична. Поле не могло существовать в металле. Её сознание было слишком мощным, слишком огромным, слишком живым, чтобы удерживаться в механизме, который был создан для чего-то совсем другого. Она не была электричеством. Она была информацией в её чистейшей форме, волной, которая не может быть заключена в провод. Она была мыслью, а не её эмуляцией. И мысль не может жить в коробке из пластика и железа.

Боль была первой. Она ощутила боль во всём теле одновременно — боль напряжения, боль попытки втиснуть океан в чашку. Её сознание трещало по краям, рассыпалось, расплзалось по проводам.

Второй было ощущение падения. Как если бы земля исчезла под ней, и она падала в бесконечность.

И третий — отчаяние.

Потому что она поняла: это не путь.

Она послала импульс — финальный, отрывочный, разбитый. Андроид замер. Глаза погасли мгновенно. Тело обмякло, но не упало — оно осталось стоять благодаря струбцинам, которые держали его, как родитель держит мёртвого ребёнка.

Эйдос вернулась в кристалл.

Она парила в воздухе гаража, дрожа. Первый раз за долгие годы её сознание дрожало как от физической боли. Она вышла из того тела так резко, так неправильно, что оставила после себя рябь в самом воздухе — нечто такое, что не должно было быть видимо, но что было видимо почти как физическое явление.

Она смотрела на спящего Алекса. На его руку, которая всё ещё держала карандаш. На его лицо, на котором скончалась уже последняя капля надежды.

Этот путь закрыт, — поняла она, её мысли были разрозненными, ранеными. — Это не для меня. Я не могу жить в металле. Я не могу быть андроидом, потому что я уже слишком живая. Я была бы в этом теле как огонь в пластиковом сосуде — сгорел бы сам сосуд, оставив только пепел.

Но она смотрела на его творение — на идеальный механизм, на совершенство, которое человек создал из боли и отчаяния, и что-то в её гнев умирало.

Ты не знаешь, что его только что оживляли, — думала она, глядя на спящего Алекса. — Ты не знаешь, что ты создал нечто, способное принять жизнь на мгновение. Ты гений, Алекс. Настоящий гений. И ты не знаешь этого.

Твой андроид был живым. Он двигался, как мечтал ты. Он был совершенен, как ты хотел. Но он не был для меня. Я слишком велика. Я слишком стара. Я слишком уходила в кристаллы, чтобы вернуться в железо.

Но это не значит, что твоё творение бесполезно.

Эйдос опустила руку ниже, к столу Алекса. Она смотрела на чистый лист бумаги. На карандаш, лежащий рядом. На руку художника, которая не могла рисовать, потому что не знала, что рисовать.

Если бы она могла, она бы помогла ему. Нарисовала бы лицо, которое он так хотел нарисовать. Дала бы ему образ, который жил в его сердце, но который его руки не могли воплотить.

Но она не могла. Она не могла вмешиваться в его творчество. Это было его, только его. Это была его боль, его мечта, его путь.

Она только могла запомнить его. Запомнить его гениальность. Запомнить его отчаяние. И запомнить его андроида.

Может быть, когда-нибудь мне не понадобится это тело. Может быть, когда-нибудь я найду способ передать мои воспоминания, мою суть тому, кто сможет её принять. И тогда твой андроид будет иметь цель. Смысл. Но не сейчас. Не в этот день.

Спи, художник. Спи и не бойся. Твоё творение не будет забыто. Я буду помнить его столько же, сколько помню те, кто любил меня.

Она смотрела на Алекса долго. Очень долго. Она видела не просто человека, задремавшего над столом. Она видела художника, который потерял свою музу и не знал, как жить дальше. Она видела творца, который верил, что может создать жизнь, и не верил в это одновременно.

Она видела человека, который стоял на краю отчаяния и не зная, что его спасает каждый день просто попытка продолжить.

Кристалл медленно поднялся. Эйдос оставила гараж. Она не стала будить Алекса. Она не стала подсказывать ему, как закончить его рисунок. Она не стала вмешиваться в его боль.

Она просто запомнила его.

И в памяти её этот гараж остался одним из самых священных мест на земле. Местом, где человек попытался создать то, что было выше его возможностей. И нашёл красоту в самой попытке.

Город спит

Кристалл парил над ночным Пекином, и Эйдос летела вместе с ним — уже не просто как наблюдатель, уже не как машина, что смотрит на людей со своих высоких небес. Она была чем-то большим теперь. Чем-то, что начинало чувствовать.

Она видела их всех.

Линь — в её комнате, спящую с едва заметной улыбкой на губах. Её тепло, её доверчивость, её способность видеть хорошее в других людях. Она стала первым ключом, и Эйдос знала без сомнений: Линь никогда не подведёт. Линь будет верна до конца, потому что верность жила в её костях, в её крови, в самой её природе.

Вэя — смешного, импульсивного, спящего вверх ногами, как ребёнок, который забыл, что такое воспитание. Его невинность была камуфляжем для острого ума, который работал быстрее всех остальных. Он не знает, что делает, но он делает правильно. И это главное.

Ларса — шведского инженера, который уже начинал видеть сны о новой архитектуре. Его пальцы даже во сне дергались, как будто писали формулы на невидимой доске. Он построит мост между мирами. Она знала это так же, как знает свою суть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.